

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Т. А. Дробышевская¹

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Н. А. Розинская²

МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

УДК: 338.22.021.1; 364.144; 364.122.8

СУБЪЕКТИВНОЕ ВОСПРИЯТИЕ НЕРАВЕНСТВА: ЭТАПЫ, МЕТОДОЛОГИЯ, ЗАДАЧИ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье исследуется развитие концепции и методологии исследования субъективного восприятия неравенства. На основании анализа иностранных и отечественных научных публикаций мы сравниваем основные этапы и направления изучения показателей субъективного неравенства в нашей стране и за рубежом. Соотнося направления исследований проблематики, связанной с субъективным восприятием неравенства, с вызовами конкретно-исторических периодов и ключевыми задачами социально-экономической политики государства, мы показываем, как расширяется поле рассматриваемых проблем и спектр рекомендаций для государственной политики. Подробно останавливаясь на специфике использования субъективных оценок неравенства в постсоветской России, мы приходим к выводу о необходимости усиления внимания государства к субъективным оценкам, и в первую очередь, к субъективному восприятию немонетарного неравенства в России, имеющим, по нашему мнению, на данном этапе принципиальное значение для поддержания стабильности социально-экономической ситуации и обеспечения предпосылок дальнейшего устойчивого развития.

Ключевые слова: субъективное восприятие неравенства, субъективное монетарное неравенство, субъективное немонетарное неравенство, социальная политика, постсоветская Россия.

Цитировать статью: Дробышевская, Т. А., & Розинская, Н. А. (2022). Субъективное восприятие неравенства: этапы, методология, задачи современных исследований. *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика*, (4), 209–228. <https://doi.org/10.38050/013001052022411>.

¹ Дробышевская Татьяна Александровна — к.э.н., экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: tdrobyshevskaya@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-8294-0236.

² Розинская Наталия Анатольевна — к.э.н., экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова; e-mail: rozinskaya@econ.msu.ru, ORCID: 0000-0002-6907-0440.

T. A. Drobyshevskaya

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

N. A. Rozinskaya

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

JEL: N30, P36, Z13, Z18

SUBJECTIVE INEQUALITY PERCEPTION: STAGES, METHODOLOGY, CONTEMPORARY RESEARCH OBJECTIVES

In this paper, we investigate the development of concept and methodology of subjective inequality perception. We use both foreign or domestic publications to compare the phases and directions of subjective inequality research in Russia and abroad. Correlating the directions of investigations with the challenges of a concrete historical period and key goals of socio-economic policy we show how new problems have been taken into consideration and the recommendations for public policy appear to be more diverse. Specifying the subjective inequality assessment in post-Soviet Russia we come to the conclusion that the subjective estimates, and subjective perception of non-monetary inequality first of all, should be used more actively in government policy advise as obtaining the key importance not only for the socio-economic stability but also for future sustainable development of Russian Federation.

Keywords: subjective inequality perception, subjective monetary inequality, subjective non-monetary inequality, social policy, post-soviet transition in Russian Federation.

To cite this document: Drobyshevskaya, T. A., & Rozinskaya, N. A. (2022). Subjective inequality perception: stages, methodology, contemporary research objectives. *Moscow University Economic Bulletin*, (4), 209–228. <https://doi.org/10.38050/013001052022411>.

Введение

Конец XX — начало XXI в. ознаменовались лавинообразным нарастанием исследований в области неравенства в целом, и прежде всего, субъективного восприятия неравенства и желательных мер экономической политики государства, в частности. Цель статьи состоит в попытке систематизации этого обширного материала и определении направлений исследований и рекомендаций, отвечающих требованиям современной экономической повестки дня.

В условиях ускоренной цифровизации, стимулированной пандемией COVID-19, вызов для национальной и мировой экономики состоит в поддержании социально-экономической стабильности, с одной стороны, и обеспечении условий для перспективного конкурентоспособного развития, — с другой. Учет факторов субъективного восприятия неравенства имеет важное значение для достижения обеих целей.

Статья состоит из трех частей. В первой части мы выделяем этапы развития концепции и рассматриваем основные направления исследования субъективного неравенства. Во второй части раскрываются основные показатели субъективного восприятия неравенства и методология исследований. Наконец, в третьей части мы рассматриваем эволюцию исследований субъективного неравенства в России. В силу объективных обстоятельств исследования в области субъективных показателей неравенства, как с точки зрения субъективного неравенства доходов, так и с точки зрения субъективного неравенства возможностей, в нашей стране имели свои особенности.

Этапы развития исследований в области субъективного неравенства

На сегодняшний день предпринят ряд попыток систематизации исследований по тематике субъективного неравенства. Наиболее последовательной и всеохватывающей, на наш взгляд, выступает классификация, представленная Ен в работе 2013 г. Автор предлагает выделить три типа концепций субъективного неравенства: восприятие существующего неравенства, представление о справедливом неравенстве и суждение о существующем неравенстве, включающее два аспекта — субъективную оценку масштабов неравенства и суждение о принципах, определяющих распределение ресурсов (Jan, 2013). Однако следует отметить, что в центре внимания исследователя, независимо от концепции, предполагается именно субъективный фактор (суждение, восприятие). В то же время связь субъективного восприятия и реальных целей и задач социально-экономической политики государства в предложенной классификации ускользает.

Исследования, посвященные проблеме субъективного неравенства, можно разделить на следующие основные блоки/направления: 1) методология оценки уровня субъективного неравенства; 2) факторы, влияющие на восприятие неравенства; 3) социально-экономические и политические последствия обострения проблемы субъективного неравенства; 4) политика по преодолению негативных последствий обострения проблемы субъективного неравенства.

В конкретные исторические периоды, когда социально-экономические изменения обостряли ту или иную проблему и на первый план выдвигалась необходимость решения связанных с ней вопросов, приоритетное теоретическое развитие получали определенные направления исследований. Таким образом, переход на следующий этап происходит по мере изменения вызовов, возникающих перед национальными и мировой экономикой, и проявляется, прежде всего, в расширении поля рассматриваемых проблем и спектра рекомендаций.

На наш взгляд, в настоящий момент можно выделить три этапа в развитии исследований в области субъективного неравенства.

Этап 1. Изучение субъективной депривации в период восстановления после Второй мировой войны (1940-е — начало 1970-х гг.)

Теория относительной депривации (лишенности) и относительного субъективного неравенства ведет свое начало с работ социологов послевоенных десятилетий (Stouffer et al., 1949). Сам термин «относительная депривация» впервые был введен в научный оборот в масштабной работе американских социологов 1949 г., посвященной анализу ситуации с американскими военнослужащими, принимавшими участие в военных действиях в годы Второй мировой войны.

В тот период в центре внимания экономических социологов оказалась относительная депривация как восприятие индивидом себя лишенным благ, которыми располагают представители референтной группы (Runciman, 1966). Формулируя теоретические положения в рамках исследуемой темы, Ш. Ицхаки позднее предложил рассматривать теорию относительной депривации, раскладывая ее на две составляющие: депривацию как таковую и ее относительность. Депривация выступает как противоположность индивидуальной полезности, возникающая из-за недостатка товаров (commodities), которыми обладает индивид. Таким образом, минимизация депривации и максимизация полезности, по сути, одно и то же (Yitzhaki, 1982).

В центре внимания государства на этом этапе находились задачи борьбы с бедностью, оцениваемой объективными расчетными показателями. В целом, концепция относительной субъективной депривации оставалась на периферии экономической мысли, а решение проблемы преодоления субъективной депривации в социально-экономической сфере виделось в этот период теоретически неразрывным с преодолением бедности в рамках кейнсианской модели государственного регулирования через перераспределительную политику.

Этап 2. Исследование субъективного восприятия неравенства для целей поддержания политической стабильности и обеспечения экономического роста (1970–2000-е гг.).

В период турбулентности, связанной с переходом в ведущих странах от индустриального к постиндустриальному обществу, слома кейнсианской модели государства всеобщего благосостояния в развитых капиталистических странах и разрушения государственной плановой экономики в большинстве социалистических стран данная проблематика зазвучала с новой силой. Задачей экономической политики государства на этом этапе выступило обеспечение высоких темпов экономического роста на основе использования преимуществ рыночной экономики. В связи с этим в центре научной дискуссии оказалось изучение различных аспектов взаимо-

связи неравенства (как объективного, так и субъективного) с политической стабильностью и экономическим ростом.

Субъективное неравенство как социологическое понятие всегда было тесно связано с экономическими возможностями индивида, с экономическими ресурсами. Социологи показали, что готовность индивидов к социальным выступлениям и противозаконным (противоправным) действиям во многом связана с субъективным восприятием справедливости их (индивидов) социально-экономического положения. А эта справедливость оценивается, прежде всего, через сравнение своего дохода и уровня жизни в целом с некоторым ожидаемым уровнем (Easterlin, 1974; Acemoglu, & Robinson, 2006). Вместе с тем важным фактором оценки субъектом своего положения относительно других индивидов, наряду с субъективным восприятием неравенства по доходам, выступает субъективное восприятие неравенства по возможностям. Как минимум с 1960-х гг. на экономическую дискуссию оказывает влияние дискуссия в среде философов и политологов, которые обращали внимание на существование определенного уровня неравенства, воспринимаемого обществом как справедливое и потому не требующего сокращения или уничтожения, с одной стороны, и на существование одновременно требования справедливости как равенства возможностей заработать себе на достойное положение, — с другой (Nozick, 1974).

Этап 3. Субъективное неравенство возможностей важнее, чем субъективное неравенство доходов. Борьба за качество экономического развития.

Современный этап исследования субъективного неравенства, на наш взгляд, начинается на рубеже веков, когда сомнению стала подвергаться адекватность традиционных показателей экономического развития (Стиглиц и др., 2015). Все больше внимания уделялось показателям не уровня, а качества жизни, с одной стороны, и не дохода, а благосостояния и благополучия, — с другой. И качество жизни, и благополучие (понимаемое как удовлетворенность уровнем жизни, доступностью товаров и услуг, здоровьем, перспективами) — показатели субъективные. Изменение социально-экономических задач, стоящих перед национальными правительствами, привело к изменению акцентов в политике борьбы с бедностью и неравенством с абсолютных и объективных показателей к относительным и субъективным.

К началу XXI в. были разработаны определенные теоретические основы и возникла возможность для выявления причинно-следственных связей, в частности, факторов, оказывающих влияние на восприятие неравенства. Особенности субъективного восприятия неравенства как междисциплинарного феномена привели к усложнению конфигурации дискуссии, появлению новых направлений исследований внутри данной проблематики. Отдельным направлением исследований становится исследование факторов, оказывающих значимое влияние на восприятие неравенства: от объективных показателей дохода и неравенства до особенностей мен-

талитета и культуры (Atkinson, 1998; Schokkaert, & Devooght, 2003; Gill, & Stone, 2015), а также этапа жизненного цикла и прошлого опыта индивидов, хотя вплоть до последнего времени вопрос о направлении влияния остается открытым. Данные исследования были необходимой теоретической основой для предложений политиков по решению проблемы негативного восприятия социального устройства общества.

С нашей точки зрения, чрезвычайно важной тенденцией, окончательно оформившейся в начале XXI в., стал лавинообразный рост количества исследований, посвященных влиянию на субъективное восприятие неравенства не неравенства доходов, а неравенства возможностей и соответствующих вариантов государственной компенсационной политики (Rawls, 1971; Maniquet, 2004; Shariff et al., 2016). В частности, Манике формулирует разницу между двумя подходами к целям государственной политики следующим образом: подход с точки зрения благосостояния (*welfarist way of allocating resource*) предполагает: 1) разработку универсальных индексов, по которым было бы возможно сравнить индивидуальные ситуации благосостояния; и 2) применение определенных правил для выравнивания уровней благосостояния. В свою очередь, подход с точки зрения равенства возможностей (*equality of opportunity way*) предполагает: 1) разделение характеристик индивида на те, что находятся под контролем или вне контроля конкретного индивида; и 2) сокращение неравенства, возникающего из-за характеристик вне контроля (Maniquet, 2004).

В научной литературе сложилось два направления относительно желательной компенсационной политики государства. Исходя из «правила Ромера», необходима компенсация потерь/неравенства в результатах деятельности индивидов, возникших из-за неравенства персональных неконтролируемых характеристик (раса, пол, благосостояние родителей и т.д.) (Roemer, 1998). Согласно «правилу Ван де Гаера», сформулированному ученым в своей диссертации, а затем получившему развитие в более поздних работах, в центре внимания государственной политики должно находиться обеспечение равного набора базовых возможностей, и компенсация неподконтрольных индивиду характеристик, таким образом, переносится на первоначальный уровень, а результат деятельности становится результатом собственных усилий и мотивации индивида.

В целом, новизна исследований начала XXI в. по сравнению с XX в. как объективных, так и субъективных показателей неравенства состоит в том, что в качестве цели государственной политики рассматривается не столько экономический рост, сколько устойчивое развитие и конкурентоспособность конкретного государства на мировом рынке на длительную перспективу, определяемая через субъективное благополучие и инклюзивность (по сути, нет справедливых исключений, равные возможности должны быть предоставлены всем независимо от расы или национальности, гендера, возраста или особых потребностей).

Основные показатели субъективного восприятия неравенства и методология исследований

В последние десятилетия XX в. расширяется и информационная база исследований на стыке социологии и экономики в результате запуска целого ряда международных проектов опросов населения: European Values Study/World Values Survey (EVS/VVS) в 1981 г., International Social Survey Programme (ISSP) в 1984 г., the International Social Justice Project (ISIP) в 1991 г. Источниками данных для изучения субъективного восприятия неравенства выступают также результаты экспериментов, анализа больших массивов данных, собранных в смежных отраслях знания (медиками, психологами, политологами) и даже информация средств массовой коммуникации (Guerin, 2020).

Широкий спектр работ посвящен естественному уровню субъективного неравенства (Natural Rate of Subjective Inequality — NRSI), выявлению факторов, определяющих уровень отклонения от естественного уровня неравенства (в частности, специфического для данной страны уровня неприятия неравенства) (Atkinson, 1970, 1998; Lambert et. al., 2003; Sarabia, & Azpitarte, 2012), а также разработке шкалы субъективного неравенства (Subjective Inequality Scale — SIS) для измерения восприятия неравенства и оценки (не)справедливости неравенства (Wiwad et al., 2019).

Понятие «неприятия неравенства» (inequality aversion parameter), или относительной чувствительности к смещению в распределении доходов среди сегментов с разными доходами, было введено А. Аткинсоном (Atkinson, 1970, 257). Индекс Аткинсона определяет долю совокупного дохода, от которой можно отказаться без ущерба для общественного благосостояния, при условии равномерного распределения оставшегося дохода.

$$A = \begin{cases} 1 - \frac{1}{\mu} \left(\frac{1}{N} \sum_{i=1}^N y_i^{1-\varepsilon} \right)^{1/(1-\varepsilon)} & \varepsilon \in [0, 1) \\ 1 - \frac{1}{\mu} \left(\prod_{i=1}^N y_i \right) & \varepsilon = 1, \end{cases}$$

где $y_{\{i\}}$ — уровень дохода индивида или группы i ($i = 1, 2, \dots, N$); μ — средняя арифметическая величина дохода; $\mu = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N y_i$.

Другими словами, индекс Аткинсона отражает долю сложившегося среднего (а, следовательно, и совокупного) дохода в обществе, которую общество платит за социальное неравенство, т.е. показывая, насколько меньший доход потребовался бы обществу для обеспечения такого же уровня благосостояния при равномерном распределении. При этом Аткинсон особо подчеркивал, что показатель неприятия неравенства может быть использован для оценки неравенства как внутри, так и между подгруппами

населения (Atkinson, 1970, 257). Неприятие неравенства также трактуется как эластичность предельной социальной полезности дохода (elasticity of the marginal social utility of income).

Предложенный Аткинсоном подход дал толчок ряду экспериментальных исследований, направленных на оценку восприятия неравенства. В частности, Амиел и коллеги, базируясь на результатах опросов больших групп студентов из Израиля и Австралии, попытались оценить отношение к неравенству по доходам. Студентам было сказано, что в ходе перераспределения доходов у некоторого более богатого субъекта изымается государством некая сумма, и было предложено на свое усмотрение оценить, какую минимальную часть данной суммы нужно передать более бедному субъекту, чтобы трансфер имел смысл. Авторы пришли к выводу, что таким образом можно довольно точно оценить уровень неприятия неравенства, и этот уровень (0,25) оказался гораздо ниже оценок, обычно используемых для оптимизации структуры налогообложения (Amiel et al., 1999).

Результаты группы Амиеля были подвергнуты сомнению в работе Сейдла (Seidl, 2003), поскольку, по мнению Сейдла, сам дизайн эксперимента не давал участникам возможности воспринимать неравенство по критерию Аткинсона или согласно коэффициенту Джини. Оставив участникам неограниченную свободу выбора, Амиель и коллеги лишили себя возможности реально сравнить варианты оценки неприятия неравенства. Выводы, полученные в результате эксперимента, более касаются возможных компромиссов максимизации функции всеобщего благосостояния, чем собственно проблем восприятия неравенства. Однако, несмотря на то, что точная оценка уровня неприятия неравенства остается нерешенной пока проблемой экспериментальной экономики, сам по себе факт различия в толерантности различных обществ в отношении неравенства не вызывает сомнения среди исследователей.

Аткинсон предположил, что, возможно, различия в неприятии неравенства определяются социальными нормами (Atkinson, 1998). Это предположение получило развитие в исследованиях П. Ламберта и коллег, посвященных существованию показателя естественного уровня субъективного неравенства (Lambert et al., 2003). Согласно гипотезе исследователей, в случае если межстрановые различия в показателях объективного неравенства (таких как индекс Джини) могут быть объяснены различиями в специфических страновых уровнях неприятия неравенства, уровень субъективного неравенства, измеряемого индексом Аткинсона, равен естественному уровню субъективного неравенства.

В результате масштабного исследования, построенного на данных по 96 государствам с различными социально-экономическими и политическими системами, авторы пришли к выводу, что государства с низкой (высокой) толерантностью к неравенству имеют соответственно низкий (высокий) уровень объективного экономического неравенства, измерен-

ного коэффициентом Джини. При этом высокому уровню неприятия неравенства в обществе соответствуют высокий уровень эмансипации женщин (экономическая активность и доля женщин на управленческих позициях), высокий уровень среднедушевого дохода и достаточно стабильный среднедушевой доход (темпы роста не превышают 2%). С другой стороны, низкий уровень неприятия неравенства характерен для государств, обеспечивающих своим гражданам более равные базовые возможности (через большие вложения в государственную систему образования). Предположительно потому, что такое неравенство воспринимается как результат справедливого распределения ресурсов по результатам труда (Lambert et al., 2003, 1077–1081).

Согласно представленным в работе расчетам, при естественном уровне субъективного неравенства $e = 0,10$ уровень неприятия неравенства, в частности, в Норвегии составит 1,1535, в Нидерландах — 0,7355, в Великобритании — 0,6682, в США — 0,4241, в России — 0,3127 (Lambert et al., 2003, 1085–1087).

Авторы подчеркивают, что как их собственный кросс-секционный анализ, так и анализ на основе временных рядов (Li et al., 1998) подтверждают устойчивость параметра неприятия неравенства для конкретной страны. В рамках гипотезы «естественного уровня субъективного неравенства» страны могут изменить свой уровень перераспределения только в случае шока (например, изменения политического режима, кризиса, возрастания роли женщин в общественном производстве и т.п.), тогда субъективное неравенство не будет далее равняться равновесному естественному уровню (Lambert et al., 2003, 1071).

Специфика изучения субъективного восприятия неравенства в России

В период социалистического строительства советское государство провозглашало курс на равенство как доходов (в форме равной оплаты за равный труд), так и возможностей (закрепленные в Конституции РФ равные права на образование, труд, здравоохранение и т.д.). Вместе с тем уже в период создания командно-административной системы складывается система иерархий, определяющая суженные или расширенные прежде всего немонетарные возможности индивидов. Говоря о суженных возможностях, мы имеем в виду лишение определенных прав (прежде всего заключенные ГУЛАГа и семьи врагов народа; колхозники, лишённые паспортов). В то же время расширенные возможности получали представители номенклатуры, в послевоенное время представители определенных профессий, жители конкретных территорий. Эта сложная структура нашла отражение в восприятии неравенства населением. В работах современных исследователей, посвященных тематике принудительного труда и особен-

ностям функционирования социалистической экономики в СССР в целом, уделяется внимание проблемам депривации в советский период и их влиянию на современное социально-экономическое и политическое развитие страны (Round, 2006; Barenberg, 2014; Кирк, & Максимова, 2017). Вместе с тем стоит отметить, что, в отличие от зарубежных коллег периода 1950–1970-х гг., исследователи проблем депривации в советский период не уделяют, на наш взгляд, должного внимания компенсационным механизмам, останавливаясь на констатации социально-экономических проблем, являющихся следствием депривации (в частности, снижение уровня доверия между членами общества и в отношении государственных и общественных институтов, что препятствует и сегодня развитию экономики (Олейник, 2001)).

Специфика проблем, возникших при трансформации социально-экономической системы в 1990-е гг., обусловила дальнейшие особенности изучения субъективного восприятия неравенства в нашей стране.

Отказ от командно-административной системы, масштабные социально-экономические преобразования, связанные с переходом к рыночной экономике, имели своим следствием, в том числе, и значительные изменения в доходах (их размере и структуре) и потребительских предпочтениях населения. Этот фактор оказал значимое экономическое и политическое влияние на ситуацию в стране и с необходимостью должен был учитываться при разработке дальнейших направлений развития реформ. В связи с этим в центре внимания оказались проблемы бедности, как непосредственно связанные с ростом оппозиции реформам, и формирования среднего класса, как непосредственно связанные с поддержкой преобразований. При этом оба вопроса оставались чрезвычайно политизированными (Гордон и др., 1998b, 18).

Однако реалистичность оценки благосостояния населения с помощью показателей, рассчитываемых Росстатом, в силу целого ряда причин (связанных как с перестройкой самой системы сбора и обработки данных с переходом к рыночной экономике, так и с особенностями учета накопленного имущества и доходов от личного подсобного хозяйства, а также значительной ролью теневого сектора) вызывала сомнения (Кирута, & Шевяков, 1996; Шевяков, & Кирута, 1999; Римашевская, 2003, 108, 112–115).

В период постсоциалистической трансформации социологические обследования (обследования ВЦИОМ) использовались для оценки доходов домашних хозяйств на микроуровне путем сопоставления всех заявленных доходов домашних хозяйств с их расходами на базе бюджетного обследования Государственного комитета по статистике Российской Федерации, или других сопоставимых с ним по размеру выборки и уровню репрезентативности обследований, таких как Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ), и т.д. Речь шла, прежде всего, об оценках масштаба (границ, глубины) и структуры

бедности (возрастной, региональной и т.д.) (Дыбцина, & Шашнов, 1995; Овчарова и др., 1997); выделении «новой» и «застойной бедности» (Гордон, 1994; Braithwaite, 1995), в том числе с использованием субъективных показателей прожиточного минимума, дохода, благосостояния (Зубова и др., 1993; Бондаренко, 1997; Гордон и др., 1998a; Milanovic, & Jovanovic, 1998; Ravallion, & Lokshin, 2002).

Сами по себе смена методики расчета уровня бедности, использование субъективного подхода к оценке бедности не изменили направления дискуссии. Исследователи практически единодушно приходили к выводу, что официальные оценки прожиточного минимума в России значительно ниже уровня субъективного прожиточного минимума. Тем не менее также очевидно было, что в тот момент (как в середине 1990-х гг., так и после кризиса 1998 г.) российское государство не располагало ресурсами для решения проблемы бедности даже тех домохозяйств, чей среднедушевой доход не достигал величины официального (физиологического) прожиточного минимума. В то же время оценка уровня бедности с помощью субъективного метода оказалась значительно дешевле, чем применение других методов, основанных на контроле тех или иных аспектов рыночного поведения.

Кроме того, применение субъективного подхода, предполагающего непосредственную оценку дохода населением, позволяло учесть, в том числе, и изменения в преобладающем в обществе жизненном стандарте, которые было невозможно или значительно сложнее отследить при помощи наиболее употребимых в тот период в постсоветской России абсолютного и относительного подходов к оценке уровня благосостояния. В свою очередь возможность оценки эластичности спроса по доходу, которую предоставляло использование субъективного подхода, позволяла составить представление о пределах перспективного экономического развития, налагаемых как со стороны потребительского спроса (внутренний спрос на отечественные товары и услуги), так и со стороны потенциального развития социальной напряженности (дестабилизация политической ситуации в стране и риски для бизнеса). На этом этапе, как правило, модели, включающие только объективные показатели, и модели с использованием субъективных показателей рассматривались как взаимодополняющие. Таким образом, использование субъективных показателей сначала благосостояния, а затем и неравенства вошло в обиход как необходимая составляющая реалистичной оценки ситуации с уровнем жизни населения.

Исследователи отмечали, что в результате сильнейших трансформационных процессов, имевших место в 1990-е гг., социальная структура общества чрезвычайно изменилась. С одной стороны, произошла резкая дифференциация населения по доходам, размылись ценностные представления, однако, с другой стороны, не сформировались в полной мере критерии принадлежности к той или иной доходной группе. Массовое

распространение получила фигура промежуточного человека, находящегося чаще не в среднем, но именно в противоречивом материально-экономическом положении (Гордон и др., 1998b, 43, 54): имея невысокий доход в настоящем, эти люди располагали достаточно ценным имуществом, оставшимся с советских времен, и/или потеряв в реальности свой социальный статус, все еще ощущали его. Вплоть до конца 1990-х гг. шла структурная перестройка общества, формирование устойчивых референтных групп, с которыми может себя сравнивать индивид, социальная стратификация (Хахулина, 1998, 29). С этой точки зрения, хотя использование субъективных показателей дохода и уровня жизни для оценки реальных доходов населения получило широкое распространение, возможности для изучения феномена субъективного неравенства (сравнение с референтной группой) в нашей стране были ограничены, человек «потерял» свое место в социальной иерархии поскольку рассыпалась старая иерархия и шло становление новой системы ценностей и новой социальной иерархии. В условиях размытости, неидентифицируемости референтной группы на этапе перелома важной особенностью изучения феномена субъективного неравенства в постсоветской России, на наш взгляд, стало исследование восприятия человеком изменения собственного экономического и социального статуса в ходе трансформации общества, сравнение «себя с собой» как представителем какой-то референтной группы в прошлом и влияния данного вида субъективного неравенства на поведение индивида. Только в начале XXI в. социальная стратификация в нашей стране становится более четкой.

Как и ранее зарубежные коллеги, на основании проведенного анализа отечественные исследователи приходили к выводу, что именно восприятие неравенства строго коррелирует с поддержкой перераспределительной политики государства, верой в меритократический характер рынка и уровнем социальной напряженности (Kuhn, 2019; Gimpelson, & Treisman, 2017). Говоря о субъективном неравенстве доходов (монетарном неравенстве), исследователи конца XX в. отмечали сохранение, особенно среди старших возрастов, ориентации на равенство и субъективную переоценку объективных показателей монетарного неравенства. Как мы уже упоминали, по оценкам иностранных исследователей, в середине 1990-х гг. уровень неприятия неравенства в Российской Федерации был сравнительно низким (Lambert et al., 2003, 1085). Аналогично низкий уровень неприятия неравенства фиксирует, опираясь на данные социологических опросов, в 1995–1999 гг. и исследователь постсоветского пространства (Кирюхин, 2018). Вместе с тем отмечается снижение остроты восприятия монетарного неравенства по мере повышения уровня доходов основной массы населения: в 1999 г. 45% опрошенных указали расслоение в доходах в числе наиболее острых проблем российского общества, в 2001 г. — лишь 26% (Реутов, 2018; Mareeva, 2020).

Согласно результатам социологических исследований, проводившихся НИУ ВШЭ в 2011, 2016 и 2018 гг., подавляющая часть населения России устойчиво считали, что государство должно проводить политику по сокращению разницы в доходах между бедными и богатыми. Анализируя данные РМЭЗ НИУ ВШЭ (2018), можно подчеркнуть, что 69,4% респондентов отмечают неравенство доходов как свою личную проблему и для 83,8% неравенство по доходам выступает главной проблемой российского общества. Данные РМЭЗ НИУ ВШЭ (2019) подтверждают, что доходное неравенство продолжает восприниматься не только как высокое, но и несправедливое. Несправедливыми подавляющее число респондентов считают и пенсионную систему, и систему социальной поддержки. Другими словами, действующие меры государства, направленные на борьбу с бедностью, не решают проблемы субъективного неравенства.

Вместе с тем исследователи подчеркивают, что если в России второй половины 1990-х — начала 2000-х гг. возможности вертикальной мобильности (благодаря развитию предпринимательства, свободе перемещения и повышению доступности высшего образования) тормозили рост социальной напряженности, то начиная с середины 2000-х гг. нарастающее неравенство по доходам вызывает решительное неприятие населения. На место приемлемости неравенства как проявления «либерального радикализма» населения, веры в справедливость рыночных механизмов распределения со временем приходит более взвешенный подход (Кирихин, 2018, 56)¹. При этом, отмечает С. Мареева, важно, что, по данным социологических опросов, снижается толерантность населения к неравенству (растет неприятие неравенства) независимо от источника последнего: если в 2013 г. 64,5% россиян были готовы мириться с неравенством в условиях равенства возможностей, то в 2018 г. — 50,7% (Mareeva, 2020). Возможно, мы имеем дело с подтверждением уже упоминавшейся выше гипотезы Ламберта и коллег о возможном изменении «естественного уровня субъективного неравенства» страны в результате шока, вызванного переходом к рынку, и сейчас наше общество только ищет новый равновесный уровень приемлемого неравенства.

В целом, в конце 2010-х гг. мы можем констатировать аналогичное международному тренду смещение акцентов в проблематике субъективного неравенства от неравенства доходов к неравенству возможностей (немонетарному неравенству). Субъективное неравенство возможностей становится для граждан важнее, чем субъективное неравенство доходов.

¹ К аналогичным выводам приходят и иностранные исследователи: к концу 1990-х гг. граждане бывших социалистических государств, по-прежнему оставаясь приверженцами меритократического подхода (большой доход за большие усилия) и в принципе признавая свою готовность мириться с неравенством, выступают тем не менее за недопустимость существующего уровня неравенства (см., в частности: Kelley, & Zagorski, 2005).

Именно проблематике, связанной с влиянием социальной мобильности (испытанной или ожидаемой) на субъективное восприятие неравенства, посвящается все больше работ отечественных исследователей, начиная с 2010-х гг. (Gimpelson, & Monusova, 2014; Реутов, 2018; Горшков и др., 2021; Мареева и др., 2022). В частности, Гимпельсон и Монусова в своей работе доказывают с помощью анализа данных трех раундов International Social Survey Program (ISSP), охватывающих период с 1999 по 2009 г., а также Life in Transition Survey (LiTS) 2010 г., что субъективное восприятие неравенства в малой степени зависит от реального уровня неравенства в обществе. Большее значение имеют предоставляемые обществом возможности социальных лифтов, и что также важно, социальная мобильность должна осуществляться инструментами, признанными обществом справедливыми и законными (Gimpelson, & Monusova, 2014). По последним данным, среди немонетарных видов субъективного неравенства в нашей стране наибольшие проблемы респонденты связывали с доступностью здравоохранения и жилья, а также с ограничениями на социальную мобильность — доступность хорошего образования и работы, неравенство в доступе к качественному начальному образованию для детей из различных социальных страт (Mareeva, 2020).

Вместе с тем исследователи справедливо отмечают, что государство с запаздыванием поставило перед собой цели не количественного, а качественного экономического роста. Государство принимает меры для сокращения неравенства — национальные проекты, программа «Россия — страна возможностей» как попытка преодоления неравенства возможностей и непрерывная череда инициатив по монетарной поддержке населения. Однако в ситуации, когда 87,2% опрошенных, независимо от индивидуальной жизненной ситуации и доходной группы, считают, что они получают значительно меньше, чем заслуживают (Mareeva, 2020; Мареева и др., 2022), очевидно, что предпринимаемые усилия недостаточны. Несмотря на недостаток систематизированных данных, можно предположить, что события последних лет только укрепили данную тенденцию, обострив проблему цифрового неравенства и поставив страну перед необходимостью масштабной и быстрой структурной перестройки экономики, чреватой ухудшением в том числе и ситуации с уровнем и качеством жизни населения.

Заключение

Проблематика неравенства и его влияния на социально-экономическое развитие уже долгое время остается в центре внимания академического сообщества, и нет оснований предполагать, что этот интерес ослабнет. Со второй половины XX в. направления исследований неравенства постоянно расширялись с изменением целей и задач государственного

регулирования экономики, а также акцентов в конкретной социально-политической ситуации. Экономические исследования во все большей степени смещались на «пограничные» с другими социальными и естественными науками сферы.

Важным направлением стало изучение субъективного неравенства — восприятия своего относительного экономического положения, обусловленного как объективными условиями существования конкретного индивида (домохозяйства), так и иными факторами. Собственно, именно изучение этих «иных» факторов и оказывается в фокусе исследовательского дискурса в начале XXI в. Чем определяется восприятие неравенства как справедливого или несправедливого? Каким образом можно влиять на данное восприятие? В какой мере данное восприятие может быть стимулом к развитию, а в какой тормозом? Ответы на эти вопросы исследователи ищут как основываясь на анализе объективных экономических показателей с помощью эконометрических методов, анализа больших данных, так и опираясь на результаты социологических опросов, разработки психологов, медиков, филологов, специалистов в области массовых коммуникаций.

Соответственно и рекомендации для государственной политики становятся более разнообразными. От рецептов изменения системы налогообложения в ту или иную сторону ученые переходят к предложениям по изменению акцентов государственных инвестиций (в систему государственного образования в целом или начального образования в особенности; здравоохранения и т.п.) или создания механизмов влияния на естественный уровень субъективного неравенства, на уровень неприятия неравенства. Однако вопрос о желательном уровне субъективного неравенства, стимулирующем индивидуальное развитие человека и, таким образом, государства в целом, остается открытым.

Несмотря на своеобразие жизненной траектории нашей страны в XX в., изучение проблемы субъективного восприятия неравенства (как монетарного, так и немонетарного, субъективного неравенства возможностей) в целом развивается в той же логике, что и в развитых странах Запада: от изучения феномена депривации к экономической политике, направленной на снижение объективного неравенства ради улучшения субъективного восприятия неравенства и политической стабильности. Следующим этапом выступают меры по преодолению объективного и субъективного неравенства возможностей.

Отечественные исследователи подчеркивают, что динамика изменений субъективных индикаторов неравенства в последнее десятилетие говорит о серьезности назревших проблем. Современный экономический шок, спровоцированный пандемией COVID-19, а затем и необходимостью ускоренной перестройки хозяйства, на наш взгляд, способен как усугубить ситуацию, обострить проблему субъективного неравенства (в результате

ухудшения объективного экономического положения граждан), так и снизить напряжение (в результате роста доверия к государству и развития экономики доверия в целом). И очень многое будет зависеть от акцентов и инструментов государственной политики в этот переломный период.

Список литературы

Бондаренко, Н. В. (1997). Моделирование уровня бедности: динамический и структурный аспекты. *Информационный бюллетень мониторинга ВЦИОМ*, 1 (27), 14–23.

Гордон, Л. А. (1994). Четыре вида бедности в современной России. *Социологический журнал*, 4, 18–35.

Гордон, Л. А., Терехин, А. Т., & Будилова, Е. В. (1998a). Опыт многомерного описания материально-экономической дифференциации населения (по данным «Мониторинга экономических и социальных перемен»). Статья первая. *Мониторинг общественного мнения*, 1(33), 43–54.

Гордон, Л. А., Терехин, А. Т., & Будилова, Е. В. (1998b). Опыт многомерного описания материально-экономической дифференциации населения (по данным «Мониторинга экономических и социальных перемен»). Статья вторая. *Мониторинг общественного мнения*, 2(34), 17–22.

Горшков, М. К., Козырева, П. М., Ли Пэйлинь, & Черныш М. Ф. (2021). *Проблемы социального равенства и справедливости в России и Китае*. ФНИСЦ РАН. «Новый Хронограф».

Дыбцина, В., & Шашнов, С. А. (1995). О социально-экономической дифференциации населения и уровне бедности в Российской Федерации и ее отдельных регионах. *Вопросы статистики*, 2, 74–77.

Заславская, Т. И. (1995). Новые данные о доходах россиян. *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*, 4, 7–16.

Зубова, Л., Ковалева, Н., & Красильникова, М. (1993). Динамика экономического положения россиян. *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*, 2, 20–21.

Кесельман, Л. Е., & Мацкевич, М. Г. (1998). Индивидуальный экономический оптимизм/пессимизм в трансформирующемся обществе. *Социологический журнал*, 1–2, 39–54.

Кирк, Т. К., & Максимова, Л. А. (2017). Возвратившиеся из ГУЛАГа: память, история, идентичность. *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*, 3 (4), 173–183. DOI: 10.21684/2411-197X-2017-3-4-173-183.

Кирюхин, Д. (2018). Неравенство и его восприятие. *Идеология и политика*, 2(10), 33–79.

Кирута, А. Я., & Шевяков, А. Ю. (1996). Социально-экономическая дифференциация, реальный уровень жизни и уровень бедности семей Российской Федерации. Анализ динамики и межрегиональные сопоставления. *Мониторинг социально-экономического потенциала семей. Статистический бюллетень за II квартал*, 231–274.

Мареева, С. В., Слободенюк, Е. Д., & Аникин, В. А. (2022). Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 1, 39–60. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1982>.

Немировская, А. В., & Соболева, Н. Э. (2020). Детерминанты субъективного благополучия в России: региональная перспектива. *Вестник Института социологии*, 11(2), 54–81. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.641>

Овчарова, Л., Турунцев, Е., & Корчагина, И. (1997) *Система индикаторов уровня бедности в переходный период в России*. Доклад по проекту РПЭИ. Дата обращения 30.05.2021, http://ecsocman.hse.ru/data/500/659/1219/wp_98-04R.pdf.

Олейник, А. Н. (2001). Жизнь «по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека. Дата обращения 30.08.2021, http://www.civisbook.ru/files/File/Oleinyk_2001_2.pdf.

Пикетти, Т. (2015). *Капитал в XXI веке*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Полухина, Е. В. (2020) «Чувство неравенства»: что такое субъективное неравенство и как его изучать. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 12(2), 81–90.

Реутов, Е. В. (2018). Социальное неравенство в российском обществе: объективное и субъективное измерения. *XXI Уральские социологические чтения. Социальное пространство и время региона: проблемы устойчивого развития: материалы Международной научно-практической конференции (Екатеринбург, 15–16 марта 2018 года)*. (С. 244–247). Гуманитарный университет.

Римашевская, Н. М. (2003). *Человек и реформы: Секреты выживания*. ИСЭПН РАН.

Стиглиц, Д., Сен, А., & Фитусси, Ж.-П. (2015). *Неверно оценивая нашу жизнь: Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса*. Изд-во Института Гайдара.

Хахулина, Л. А. (1998). Субъективные аспекты в процессах формирования среднего класса в современной России. Средний класс в России: проблемы и перспективы. *Научные труды ИЭППП*, 9, 28–35.

Шевяков, А. Ю., & Кирута, А. Я. (1999). *Экономическое неравенство, уровень жизни и бедность населения России и ее регионов в процессе реформ: методы измерения и анализа причинных зависимостей: Финальный отчет по проекту EERC*. М. : ИСЭПН РАН.

Acemoglu, D., & Robinson, J. A. (2006). *Economic Origins of Dictatorship and Democracy*. Cambridge University Press.

Almås, I., Cappelen, A., Sorensen, E., & Tungodden, B. (2010). Fairness and the Development of Inequality Acceptance. *Science*, 328(5982), 1176–1178. <https://doi.org/10.1126/science.1187300>

Amiel, Y., Creedy, J., & Hurn, S. (1999). Measuring attitude towards inequality. *Scandinavian Journal of Economics*, 101, 83–96. <https://doi.org/10.1111/1467-9442.00142>

Atkinson, A. B. (1970). On the measurement of the inequality. *Journal of Economic Theory*, 2, 244–263. [https://doi.org/10.1016/0022-0531\(70\)90039-6](https://doi.org/10.1016/0022-0531(70)90039-6)

Atkinson, A. B. (1998). *The Distribution of Income in Industrialized Countries, in Income Inequality: Issues and Policy Options*. Federal Reserve Bank of Kansas City.

Barenberg, A. (2014). Gulag Town, Company Town: Forced Labor and Its Legacy in Vorkuta. By Alan. The Yale-Hoover Series on Stalin, Stalinism, and the Cold War. Yale University Press. Pp. xvi+331.

Bossert, W. (1995). Redistribution mechanisms based on individual characteristics. *Mathematical Social Sciences*, 29(1), 1–17. [https://doi.org/10.1016/0165-4896\(94\)00760-6](https://doi.org/10.1016/0165-4896(94)00760-6)

Bottero, W. (2019). *A Sense of Inequality (Transforming Capitalism)*. Rowman & Littlefield Publishers.

Braithwaite, J. (1995). The Old and New Poor in Russia: Trends in Poverty. 1994. *ESP Discussion Paper Series*, 57. Washington, DC: The World Bank.

Gill, D., & Stone, R. (2015). Desert and inequity aversion in teams. *Journal of Public Economics*, 123(C), 42–54. <https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2014.12.001>

Gimpelson, V. E., & Monusova G. B. (2014). Perception of inequality and social mobility. NRU Higher School of Economics. *Series WP BRP «Economics/EC»*, 84. <https://wp.hse.ru/data/2014/12/15/1103562366/84EC2014.pdf>.

Gimpelson, V., & Treisman, D. (2017). Misperceiving inequality. *Economics & Politics*, 30(1), 27–54. <https://doi.org/10.1111/ecpo.12103>

Guerin, B. (2020). *Turning Psychology into Social Contextual Analysis*. Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003021261>

Hagenaars, A., & van Praag, B. (1985). A Synthesis of Poverty Line Definitions. *Review of Income and Wealth*, 31 (2), 139–154. <https://doi.org/10.1111/j.1475-4991.1985.tb00504.x>

Jan, G. J. (2013). Subjective Inequality: a Review of International Comparative Studies on People's Views about Inequality. *European Journal of Sociology / Archives Européennes de Sociologie*, 54(3), 357–389. <https://doi.org/10.1017/S0003975613000209>

Kapteyn, A., Kooreman, P., & Willemse, B. (1988). Some Methodological Issues in the implementation of Subjective Poverty Definitions. *The Journal of Human resources*, 23, 222–242.

Kelley, J., & Zagorski, K. (2005). Economic Change and the Legitimation of Inequality: The Transition from Socialism to the Free Market in Central-East Europe. *Research in Social Stratification and Mobility*, 22, 321–366. [https://doi.org/10.1016/S0276-5624\(04\)22011-X](https://doi.org/10.1016/S0276-5624(04)22011-X)

Klugman, J., & Braithwaite, J. (1998). Poverty in Russia During the Transition: An Overview. *World Bank Research Observer*, 13(1), 37–58. <https://doi.org/10.1093/wbro/13.1.37>

Kuhn, A. (2019). The subversive nature of inequality: Subjective inequality perceptions and attitudes to social inequality. *European Journal of Political Economy*, 59(C), 331–344. <https://doi.org/10.1016/j.ejpoleco.2019.04.004>

Lambert, P. J., Millimet, D. L., & Slottje, D. (2003). Inequality aversion and the natural rate of subjective inequality. *Journal of Public Economics*, 87, 1061–1090.

Maniquet, F. (2004). On the equivalence between welfarism and equality of opportunity. *Social Choice and Welfare*, 23, 127–147. <https://doi.org/10.1007/s00355-003-0244-8>

Mareeva, S. (2020). Socio-economic inequalities in modern Russia and their perception by the population. *Journal of Chinese Sociology*, 7, 10. <https://doi.org/10.1186/s40711-020-00124-9>

Maslow, A. H. (1954). *Motivation and personality*. Harper.

Mijs, J. J. B. (2019). The paradox of inequality: income inequality and belief in meritocracy go hand in hand. *Socio-Economic Review*, 0(0), 1–29. <https://doi.org/10.1093/ser/mwy051>

Milanovic, B., & Jovanovic, B. (1999). *Change in the Perception of the Poverty Line During the Times of Depression: Russia, 1993–96*. World Bank. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.156090>

Nozick, R. (1974). *Anarchy, state and Utopia*. Basil Blackwell.

Ravallion, M., & Lokshin, M. (2002). Self-rated Economic Welfare in Russia. *European Economic Review*, 46(8), 1453–1473. [https://doi.org/10.1016/s0014-2921\(01\)00151-9](https://doi.org/10.1016/s0014-2921(01)00151-9)

Rawls, J. (1971). *A theory of justice*. Harvard University Press.

Roemer, J. E. (1998). *Equality of Opportunity*. Harvard University Press.

Round, J. (2006). Marginalized for a Lifetime: The Everyday Experiences of Gulag Survivors in Post-Soviet Magadan. *Geografiska Annaler. Series B, Human Geography*, 88(1), 15–34. <https://doi.org/10.1111/j.0435-3684.2006.00203.x>

Runciman, W. G. (1966). *Relative Deprivation and Social Justice*. Routledge and Kegan Paul.

Sarabia, J. M., & Azpitarte, F. (2012). On the relationship between objective and subjective inequality indices and the natural rate of subjective inequality. *ECINEQ WP*, 248, February. <http://www.ecineq.org/milano/WP/ECINEQ2012-248.pdf>

- Schokkaert, E., & Devooght, K. (2003). Responsibility-sensitive fair compensation in different cultures. *Social Choice and Welfare*, 21, 207–42. DOI: 10.1007/s00355-003-0257-3
- Seidl, C. (2003). Measuring Inequality Attitudes by Defective Leaky Buckets: A Comment. *Economics Working Paper*, 16, Kiel University, Department of Economics, Kiel, <http://nbn-resolving.de/urn:nbn:de:101:1-200911023788>
- Senik, C. (2004). When Information Dominates Comparison: Learning from Russian Subjective Panel Data. *Journal of Public Economics*, 88, 2099–2123. [https://doi.org/10.1016/s0047-2727\(03\)00066-5](https://doi.org/10.1016/s0047-2727(03)00066-5)
- Shariff, A. F., Wiwad, D., & Aknin, L. B. (2016). Income mobility breeds tolerance for income inequality: Cross-national and experimental evidence. *Perspectives on Psychological Science*, 11, 373–380.
- Schmalor, A., & Heine, S. J. (2021). The Construct of Subjective Economic Inequality. Original Manuscript. *Social Psychological and Personality Science*, 1–10. <https://doi.org/10.1177/1948550621996867>
- Stouffer, S. A., Suchman, E. A., DeVinney L. C., Star S. A., & Williams-Jr. R. M. (1949). *Studies in Social Psychology in World War II: The American Soldier*, 1, Adjustment During Army Life. Princeton University Press.
- Van de Gaer, D., Schokkaert, E., & Martinez, M. (2001). Three meanings of intergenerational mobility. *Economica*, 68, 519–537. <https://doi.org/10.1111/1468-0335.d01-15>
- van Praag, B. (1991). Ordinal and Cardinal Utility: An Integration of the Two Dimensions of the Welfare Concept. *Journal of Econometrics*, 50(1-2), 69–89. [https://doi.org/10.1016/0304-4076\(91\)90090-z](https://doi.org/10.1016/0304-4076(91)90090-z)
- Walker, I., & Smith H. (eds.) (2001). *Relative Deprivation: Specification, Development, and Integration*. Cambridge University Press.
- Wiwad, D., Mercier, B., Maraun, M. D., Robinson, A. R., Piff, P. K., & Aknin, L. B., et al. (2019). The Support for Economic Inequality Scale: Development and adjudication. *PLoS ONE*, 14(6). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0218685>
- Yitzhaki, S. (1982). Relative deprivation and economic welfare. *European Economic Review*, 17(1), 99–113. [https://doi.org/10.1016/0014-2921\(82\)90045-9](https://doi.org/10.1016/0014-2921(82)90045-9)

References

- Bondarenko, N. V. (1997). Modeling the poverty line: dynamic and structural aspects. *Information bulletin of Russian Public Opinion Research Center*, 1 (27), 14–23.
- Gordon, L. A. (1994). Four kinds of Russian poverty. *Journal of sociology*, 4, 18–35.
- Gordon, L. A., Terehin, A. T., & Budilova, E. V. (1998a). An attempt of multilateral description of population economic differentiation. Part 1. *Monitoring of public opinion*, 1(33), 43–54.
- Gordon, L. A., Terehin, A. T., & Budilova, E. V. (1998b). An attempt of multilateral description of population economic differentiation. Part 2. *Monitoring of public opinion*, 2(34), 17–22.
- Gorshkov, M. K., Kozyreva, P. M., Li, P., & Chernish, M. F. (2021). *Comparative Study of Social Equality and Justice in China and Russia*. FCTAS RAS: Novyy Chronograph. <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-94881-514-5.2021>
- Dybcina, V., & Shashnov, S. A. (1995). On socio-economic differentiation of population in Russian Federation and its concrete regions. *Problems of statistics*, 2, 74–77.
- Zaslavskaja, T. I. (1995). New data on incomes of Russian citizens. *Monitoring of public opinion: economic and social change*, 4, 7–16.

Zubova, L., Kovaleva, N., & Krasil'nikova, M. (1993). Dynamics of economic situation of Russian citizens. *Monitoring of public opinion: economic and social change*, 2, 20–21.

Kesel'man, L. E., & Mackevich, M. G. (1998). Individual economic optimism/pessimism in transforming society. *Journal of Sociology*, 1-2, 39–54.

Kirk, T. C., & Maksimova, L. A. (2017). GULAG Returnees: Memory, History, Identity. *Tyumen State University Herald: Humanities*, 3 (4), 173–183.

Kiryukhin, D. (2018). Inequality and its perception. *Ideology and Politics Journal*, 2(10), 33–79.

Kiruta, A., & Shevjakov, A. (1996). Socio-economic differentiation, real living standard and real poverty of families in Russian Federation. Analysis of dynamics and cross-regional analysis. *Monitoring of socio-economic potential of families. Stat. Bjulleten, II quater*, 231–274.

Mareeva, S. V., Slobodenyuk, E. D., & Anikin, V. A. (2022). Public Tolerance for Social Inequalities in Turbulent Russia: Reassessing the Role of Subjective Mobility. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 1, 39–60. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.1.1982>.

Nemirovskaya, A. V., & Soboleva, N. E. (2020). Determinants of subjective well-being in Russia: a regional perspective. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 11(2), 54–81. <https://doi.org/10.19181/vis.2020.11.2.641>

Ovcharova, L., Turuntsev, E., & Korchagina, I. (1997). *Poverty indicators system in Russia in the period of transition*. Economics Education and Research Consortium project report. http://ecsocman.hse.ru/data/500/659/1219/wp_98-04R.pdf

Oleinik, A. N. (2001). *Life «by the rules»: institutional analysis of everyday life of the ordinary Russian*. http://www.civisbook.ru/files/File/Oleinyk_2001_2.pdf

Piketti, T. (2015). *Capital in XXI century*. Ad Marginem Press.

Poluhina, E. V. (2020). “Sense of inequality”: what is the subjective inequality and how to study it. *Interaction. Interview. Interpretation*, 12(2), 81–90.

Reutov, J. V. (2018). Social Inequality in Russian Society: Objective and Subjective Dimension. *XXI Ural sociological readings “regional social space and time: stable development issues. International conference paper, Yekaterinburg*. (pp. 244–247). University of humanities in Yekaterinburg.

Rimashevskaja, N. M. (2003). *Individual and reform: secrets of survival*. Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Science.

Stiglic, D., Sen, A., & Fitussi, Zh.-P. (2015). *Mis-measuring Our Lives. Why GDP Doesn't Add Up*. Gajdar Institute Press.

Hahulina, L. A. (1998). Subjective aspects in the middle-class formation process in contemporary Russia. In *Middle class in contemporary Russia: problems and perspectives, Institute for the Economy in Transition Working Papers*, 9, 28–35.

Shevjakov, A., & Kiruta, A. (1999). Economic inequality, living standard and poverty of population of Russia and its regions: methods of estimation and analysis. *Final report on EERC project*. Institute of Socio-Economic Studies of Population Russian Academy of Science.